

ВИКТОР СОСНОРА

Летучий Голландец

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 82-32
ББК 84(2Рос-Рус)6
С66

*Тексты публикуются
с сохранением авторской орфографии и пунктуации.*

Соснора В.

С66 Летучий Голландец / Виктор Соснора. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 239 с. — (Серия «Пальмира — проза»).

ISBN 978-5-517-02181-6

Сборник В. А. Сосноры «Летучий Голландец» составляют рассказы и роман «Время пустот», написанные в разные годы. В этой экспериментальной по форме, ассоциативной и фрагментарной прозе перед читателем предстает мир творческой личности в современной реальности, осмысляемый через образы и мотивы мировой культуры.

УДК 82-32
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-02181-6

© Соснора В. А., наследники, 2020
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ
1967

Действующие лица

Г р а м, капитан

С о т л, старший помощник капитана, офицер

Г а м а л а й, лейтенант

П и р о с, кок

Ф е н е л о н, впередсмотрящий

Г а м б а, боцман

Т р о й, рулевой

Л а в а л ь е, Ламолье — водолазы, братья, близнецы

Д а н и й, пассажир

А м с т е н, доктор

Э ф, изобретатель, радист

Матросы с усами, гитара, автор

ПРОЛОГ

Море было как паутина.

Небо было неясное.

Настроения у экипажа не было.

Только у одного матроса настроение было. Оно было приподнятое. Несколько минут назад матроса приподняли над палубой и повесили на рее. Поэтому матрос висел в приподнятом настроении.

Корабль — шел.

Паруса — были. Они были, как белый виноград, как белые кандалы или как цифра 8.

Солнце было маленькое, как звезда.

На палубу вышел капитан Грам. Капитан был в мундире из меди, в красном кулаке он держал кортик. Он держал кортик за острие, кортик раскачивался, как маятник, и вспыхивал на солнце.

Кто-то играл на гитаре задушевную песню. Это была и не песня, а так, мелодия.

— Все хорошо, что хорошо качается, — сказал капитан Грам, рассматривая повешенного.

КОК ПИРОС, ОФИЦЕР СОТЛ И ЕГО НЕВЕСТА РУНА

Кок Пирос поседел во сне.

Самое обидное было то, что Пирос позабыл сон, во время которого он поседел. Коку было тридцать лет и голова у него была белая, как одуванчик.

Пирос лежал на диване с пружинами и плевал в иллюминатор.
В иллюминаторе было море.

Море было параллельно небу.

— Я люблю тебя, — сказал кок Пирос невесте Сотла Руне.

— Нет слов! — тихо воскликнул Сотл.

— Я люблю тебя, — сказал Пирос Руне. — Что скажешь ты, Руна, Сотлу, своему жениху?

— Она скажет мне: мой ангел! — тихо воскликнул Сотл.

— Твой ангел вчера был пьян и без штанов. Он упал около гальяона и весь болтался. Капитан Грам сказал: «Он умер». Доктор Амстен был без кителя, в кольчуге, которая весит семнадцать килограммов. Доктор сказал: «А может быть он не умер, а так, немножечко заболел?» — «Нет, он умер, — сказал капитан, — иначе бы он так не болтался!» — «Готовьте саван». Все ушли за саваном, и капитан и доктор. Доктор уходил прямо, но его сутулила кольчуга. И тогда я положил Сотла на плечо и понес.

— Нет слов! — сказал Сотл и покраснел.

— Слова есть, их неисчислимое количество, но у тебя небогатый словарный запас. Отдай мне твою невесту, а я научу тебя нескольким лишним словам. Пускай она ляжет со мной на пружины, ложись, Руна, жемчужина моря, пускай нам будет уютно. Но ты сама не обнимай меня, Руна. Пусть этот алкоголик, твой ангел, обнимет твоими руками мою шею. Пусть он уйдет и нам станет намного легче. У него одна нога короче другой и глаза цвета туберкулеза.

— Не верю, — сказал Сотл. — Если сравнить нас по внешнему виду, то я — буйвол, а ты — кузнечик. Такие ноги, как мои, еще нужно поискать.

— Вот и поищи, — сказал Пирос. — Ты иди ищи ноги, а мы полежим на пружинах с твоей невестой Руной. Где твоё чувство ответственности человека перед человеком? Я положил тебя вчера на плечо, как гитару, я держал тебя вчера на плече, как скрипку, ты свисал с моего плеча, как гроздь сирени, ты сидел на моем плече, как сокол. Почему же ты не понимаешь моей нежности к Руне, отвечай, меланхолик!

— Не отвечу и все! — заупрямился Сотл. — Я офицер, а ты — официант.

— О нет! Я — дельфин, а ты — килька с одним глазом. Я — перстень царицы Лоллобриджиды, а ты — бешеный барбос в томатном соусе.

У тебя — мозг мозгляка, а у меня — превосходный ум и данные. Вместо макарон ты варишь дождевых червей.

— Но я вчера не был пьян, — сказал нерешительно Сотл.

— Так иди, напейся сегодня, — посоветовал Пирос.

— А ты больше не лги, — запротестовал Сотл. — Эх ты, лгун!

В конце концов Пирос взял Руну за талию и положил на пружины, обнимая.

— Чего вы обнимаетесь, ведь утро, — недоумевал Сотл.

— Спи и ты, диверсант, — сказал Пирос. — Не сумел спать с Руной, так возьми ее девичью ленту и спи с лентой.

Руна была девушка, мечтательница. Так охарактеризовал свою невесту Сотл. Он увидел ее во сне и сделал куклу из древесных стружек, и скроил ей платье. Кукла получилась в человеческий рост, и это куклу отнимал у Сотла одуванчик Пирос.

В иллюминаторе была утренняя заря.

Над морем летало что-то с розовым гребешком.

Играла гитара.

Офицер Сотл вышел на палубу, спотыкаясь. Так уж он был устроен: в любых обстоятельствах он спотыкался. И это было хорошо: лучше споткнуться девянсто девять раз, чем один раз висеть на рее. Так, несколько дней назад лейтенант Гамалай сообщил капитану: «Упал большой обеденный колокол», — сказал Гамалай и глаза у него забежали по лицу, как ртутные шарики. «Что с Сотлом?» — немедленно отреагировал капитан. «Сотл не только из любопытства спотыкается около колокола. Тут имеют место обстоятельства, требующие внимательного расследования материалов и обобщения туманной личности этого офицера», — настаивал Гамалай. «Что с Сотлом?» — заиграл капитан. «Пока ничего существенного. Голова его разбита вдребезги. Мне не удалось добиться от него никаких признаний. У него, видите ли, предсмертные конвульсии».

Какое бы несчастье ни произошло на корабле, жертвой любого несчастья был мечтатель Сотл. Поэтому его все любили. Все с большим сочувствием прислушивались к его нечеловеческим стонам.

— Где же счастье? — спросил Сотл капитана Грама. Капитан подбрасывал кортик и кортик вспыхивал в воздухе.

— Счастье — там! — капитан протянул свободную руку. Сотл внимательно посмотрел в ту сторону, но счастья Сотл не увидел. Там был голубой воздух и летала одинокая птица. Поэтому Сотл признался:

— Не вижу я счастья там, капитан.

— Этого еще не хватало, — сказал капитан. — Поживешь — увидишь.

Одинокая птица улетела. Это была и не птица, а так, комар, оптический обман: комар летал перед самыми глазами и капитан принял его чуть ли не за птицу Феникс.

С УТРА НА КОРАБЛЕ РАЗДАВАЛАСЬ ПЕСНЯ КАПИТАНА ГРАМА

С утра на корабле все пили бренди.

Воздух был голубой, с оттенком чая, как будто в воздух опустили чайнку и она растворилась.

На полубаке выстроились двенадцать горнистов в полицейских мундирах. Они принесли двенадцать длинных бутылок золотого цвета и, запрокинув головы, пили из бутылок бренди. Получалось так, будто они трубят в горны. Горнистов сплотил Гамалай. Они охраняли его независимость от посягательств темных сил.

На носу корабля, перед бушпритом, стоял символический лев. Он был не деревянный, как на старинных кораблях, а настоящий. Его приковали цепью к железному столбу, он ходил вокруг столба и по-немножку ревел.

Льва звали Маймун.

На палубу вышел капитан Грам.

Его медный мундир был застегнут у горла бриллиантовой брошью-звездой. Грам приготовился подбрасывать кортик в голубой воздух.

Доктор Амстен шел в галюн, он шел и проверял санитарное состояние корабля. Он шел в противогазе и кольчуге.

Боцман Гамба, миллионер, лежал в красном гамаке. Он вчера уже выпил, а сегодня еще не очнулся. Его усы трепетали, как пальцы композитора Листа.

Горнисты оттрубили зорю: они выпили все бренди.

Горнисты расселись вокруг льва и смотрели на Маймуна бирюзовыми глазами.

Лейтенант Гамалай подошел к капитану и зашептал ему на ухо неопределенно-личную фразу. Гамалай кое-кого кое в чем подозревал.